

Цена 15 коп.

Индекс 70668

ТОВАРИЩИ КНИГОЛЮБЫ!

Книгу можно не только купить, но и приобрести по выигрышному билету Всероссийской книжной лотереи. Стоимость билета 25 копеек, а сумма выигрышей от 50 копеек до 5 рублей.

На каждые 200 билетов—69 выигрышных.

По выигрышному билету можно получить книгу или другие товары по своему выбору из ассортимента любого книжного магазина или киоска на территории РСФСР. Участвуйте в розыгрыше билетов Всероссийской книжной лотереи!

Дирекция Всероссийской книжной лотереи

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 16

1981

ISSN 0132-2095

Лариса ВАСИЛЬЕВА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

ВАСИЛИСА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 16

Лариса ВАСИЛЬЕВА

ВАСИЛИСА

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1981

Лариса ВАСИЛЬЕВА

Лариса Николаевна Васильева родилась в Харькове, детство прошло на Урале, училась в Москве. Окончила филологический факультет МГУ.

Она автор поэтических сборников: «Льняная луна», «Огневица», «Лебеда», «Синий сумрак», «Одна земля — одна любовь», «Радуга снега», «Поляна», «Огонь в окне», «Русские имена», «Листва». Перу Ларисы Васильевой принадлежит книга художественно-документальной прозы «Альбион и тайна времени», о жизни современной Англии, где автор прожила несколько лет. Это произведение вышло в свет одновременно в Советском Союзе и в Англии.

Стихи Ларисы Васильевой переведены на многие языки во многих странах.

Она удостоена премии Московского комсомола и награждена двумя орденами «Знак Почета».

За лесом зарево запылало,
верхушки сосен золотом зажгло.
Я ничего о счастье не слыхала,
пока оно ко мне не подошло

и не повисло цепью на заборе,
на шее гирей, пауком в окне —
в нем столько было горечи и горя,
что я в него поверила вполне.

А зарево сияло у порога,
звенело, завывало и звало
туда, где разветвляется дорога,
где конь крылатый всем смертям назло.

Без особой вины виновата
перед стаяй взлетающих лет.
Погляжу на сиянье заката
и увижу грядущий рассвет.

Эта необъяснимая доля —
видеть завтра в угасшем вчера,
предсказав созревание поля,
не уметь успокоить ветра.

Я к любым испытаньям готова,
на крутом повороте стою
и в мученьях рожденное слово
за поступок лихой отдаю.

ОТГОЛОСКИ

I

Долгий, долгий санный полоз
в отлетевшие года.
Зимней птицы зябкий голос.
В хрупком инее звезда.

Вихрем в прошлое влетаю,
мертвый полдень ворошу,
тайну сладкую читаю,
горькой тайною дышу.

И на радости похожи
огорченья прошлых лет.
Если я права, то кто же
мне сказал, что счастья нет?

II

Заманчивое чудо —
пичуга без гнезда:
забуди, летишь откуда,
не знай — летишь куда.

Без вековечной боли
и где — не все ль равно —
на Куликовом поле
поклевывай зерно.

Приют — любая ветка,
ветвей не перечести,
одну и ту же редко
желаешь предпочесть.

А если заскучаешь,
легко уйдешь в зенит —
вернуться пожелаешь,
никто не укорит.

Ни матери, ни сына,
ни друга, ни врага —
бескрайняя картина,
зеленые снега.

Ни радости, ни гнева,
не любишь никого.
И между ребер слева
не слышно ничего.

III

Разворачивает скулы
затертых слов прокислый квас.
Мои Добрыни и Микулы,
ступайте, отпускаю вас.

Вы верой-правдой отслужили,
ушли на дно Прощай-реки,
и зря мы вас к себе пришили,
как голубые ярлыки,

легко за ваши спины пряча
свою беспомощность и спесь,
увы, не стали мы богаче,
а Русь такую стала днесь

рисковой самобраной силой
в сетях нейлоновых цепей,
то колыбелькой, то могилой,
то башней гордости своей.

Я не хочу, чтоб новый мучил
вас самозванец волевой,
умелец ладить ватных чучел
из русской боли вековой,

прощайте, милые, простите,
привет смутьяну-Соловью,
а мне одной в суровом сите
судьбу просеивать свою.

IV

Зимы сбросили шубу соболью
с перезрелого тела земли.
Мир измучен таинственной болью.
Мир тревожные сны извели.

Старец. Волосы снежные вьются.
А глаза — два потока огня,
а беззубые губы смеются
над рискованной поступью дня.

Старец. Ног раскаленные меди.
Голос — гул изрыгающих вод
говорит, что в поступках столетий
все бы надо бы наоборот.

Как?! Ответь навсегда и чугунно!
Разве тот, кто нам форму творил,
созидаая то русса, то гунна,
как вести себя, им говорил?

Ах, жестоко века проходили
по крутой человечесьей груди
мимо сада вселенских идиллий —
то ли будет еще впереди.

Солнце плавится. Бурые стены.
Города. Города. Города.
Окна выбиты. Воют сирены.
Пустота. Никого. Ни следа.

Лишь Свобода в терновом сиянье
И Пожарский с воздетой рукой
друг пред другом на вечном свиданье
над застывшей застыли рекой.

* * *

Свет и мрак в переплетенье,
радость с горечью узлом.
Умирает поколение
то, где девушка с веслом,

летчик в белоглазом шлеме,
три танкиста, два бойца,
в завершившейся поэме
закаленные сердца.

Провожает их, седея,
поцелуем в лбину лба
их высокая идея,
несравненная судьба,

до последнего предела
не желая понимать,
смотрит вслед осиротело,
как оставшаяся мать.

ВАСИЛИСА

I

Тебе немного страшновато
увидеть боль нежнейших глаз.
Ты что-то шепчешь виновато:
— В последний раз!

иль

— В первый раз!

Не утруждай себя признаньем —
я не нуждаюсь правду знать,
свободу чувствую призываньем
и не могу не сознавать
себя счастливой в те мгновенья,
когда другою ты любим,
иль просто ищешь приключенья,
улады прихотям своим.
Но сознаюсь — боюсь сознаться,
в том, что привычка велика
страдать от ревности, терзаться,
гордыней прожигать века;
мы вас отменно приучили
нести покорно этот плен —
боюсь сознаться в странной силе:
любить, не требуя взамен,

и потому я хмурю брови,
но ты не слушайся, не верь —
беги на зов иной любви
сквозь неоткрывшуюся дверь.

II

Благополучный, ты жаждешь трагедии,
черным обводишь число.
Нет ее, милый, в двадцатом столетии —
нам повезло.
Или не повезло?

Все эти войны, убийства и горести,
при рассмотренье в упор,
есть отголоски таинственной повести
отбушевавших гор.

На поводке телефонного провода
отблески гаснут огня...
Нет для трагедии фона и повода —
в этом трагедия дня.

III

Я царевича спасала,
за ночь строила мосты,
верной тропкой нависала
у опаснейшей черты,

возводила за ночь стены,
сквозь которые вела,
от любимого измены,
безусловно, не ждала,

а когда она случилась,
не заметила ее.
Правда, сильно сердце билось,
откровенное мое.

И царевич мне ответил
на доверчивость мою
тем, что тоже не заметил,
как я плачу — не пою.

Славно с горочки катился
между вздохов и похвал,
оттого и воротился,
что упреков не знавал.

Пальцы в кудри запустила
и — довольная сижу:
ничего я не простила,
но об этом не скажу.

IV

Не веря ни в правду, ни в сказки,
ты с тайною путал секрет
и страстно боялся развязки
своих запоздалых побед.

Случайность. Плохая актриса.
В постели зато хороша.
Но это была Василиса —
зовущая к свету душа.

Ты думал — она обнимала,
ласкала свободно и всласть,
а это она отнимала
твою безграничную власть

над судьбами окон, горящих,
свои позабывших права,
над стонами всех, говорящих
отчаянные слова.

Она твой порыв укрощала,
к плечу приникала плечом,
она ничего не прощала
и не обвиняла ни в чем.

V

Зачем вы просили творить чудеса
и звезды ловить с потолка?
Вам было забавы на четверть часа —
раскаянья мне — на века.

Зачем подослали царевича мне —
цветной говорящий муляж —
я вся прогорела в любовном огне,
а он отточил карандаш

и пишет поэму, где искренне лжет
великую правду любви.
И что удивительно — ярко зажжет
пожар в чьей-то пылкой крови.

VI

Русоволосая девушка, где ты?
Как ты умела творить чудеса:
серые дни превращала в рассветы,
мутные лужи — в глаза,
горы — в героев,

ухабы — в дороги,
колкий кустарник — в коня.
Окаменели летучие ноги
у придорожного пня.

Кровью рассвет обагрился горячей,
умер от раны герой,
зоркая стала от горя незрячей,
полдень — погодой сырой.

Дорого стоит надежная сила
свет безответный дарить.
Зябко.
По-зимнему заморосило.
Не о чем тут говорить.

VII

Царевич? Все в нем плоско, плохо,
убого вечером и днем,
но сквозь него прошла эпоха
и отпечаталась на нем,
и он — вполне ее примета,
а я — подвластная ему —
люблю его за все за это,
тем боле — вопреки всему.

Найдя в печали твой огромный
таинственно-прекрасный дар,
я утешалась мыслью скромной:
тебе назначенный удар
судьбы принять. Но время длилось,
никто не посягал на нас,
землетрясения не случилось,
огонь в окошке не погас,
и неизменные сменялись
стада цветов и волны трав,
а люди плакали, смеялись,
те отдохнув, а те устав.
Иные нас не замечали,
а кто заметил — ждал и звал,
свои вселенские печали,
однако, ты не раздавал.
Я вдруг очнулась. Сновиденье
сверкало в капельках росы,
и время нового рожденья
считали старые часы.
Я поняла: дорога к счастью
талант ведет через беду,
я злоупотребила властью,
мы оба пленники. Уйду!
И вышла в мир освобожденно,
туда, где плыл весенний гул,
а за спиною облегченно
и обреченно ты вздохнул.

Теперь ты хочешь поразить
меня своей подругой юной,
как будто ветром просквозить
дыханьем арфы тонкострунной,

обидеть нежностью очей,
унизить легкостью походки.
Ах, эти злые одногодки,
герои выцветших ночей.

Должно быть, я и впрямь сильна,
коль так божественна замена:
то ль Афродита, то ли пена,
то ль птица белая она.

Мой бедный, что же ты глядишь
позавчерашними глазами,
ужель и эту посвятишь
несбывшемуся между нами?

Я от тебя свободна, да,
мне полюбить ее нетрудно,
она поет и пляшет чудно,
она краснеет от стыда.

Но ей не надо понимать,
что красота ее напрасна,
а та усталая, как мать,
ей так безоблачно опасна.

Вселенная.
Что это значит?
В чьей власти ее высота?
Кем путь неразгаданный начат?
Кем будет окончен? Когда?

Покуда мы знаем немного
и некого рядом спросить,
не следует имени Бога
насмешливо произносить.

Не лучше ль путем сокровенным
идти сквозь рассвет и закат,
где зоркие очи вселенной
за каждым движеньем следят.

И кто-то невидимый знает
все то, что неведомо мне:
зачем это сердце сгорает,
как лист на осеннем огне.

Вот уже крылатые машины
дальние приблизили миры.
Вот уже глубокие морщины —
славной жизни щедрые дары.

Вот уже поступкам не вольготно.
Вот уже всезнанье, как печать,
вот уже умею несвободно
говорить, смеяться и молчать.

И все чаще тянет в лес осенний,
где размыты тропы и пути,
стать под серым небом на колени
и сказать: — За все меня прости!

Еле слышный голос отзовется,
в помутнелом воздухе замрет,
и дождина по щеке прольется,
и зарница вдалеке блеснет.

Ночь темна. На черном мраморе
самый черный муравей.
На земле, вверху и на море
след всевидящих очей.

Маленькое насекомое,
ощущая острый взгляд,
смотрит в царство незнакомое,
где высокие стоят

белые столбы отчаянья,
бедные стволы берез.
Чьи несбывшиеся чаянья,
чей безвременный вопрос

воплощен в травы шептание,
в тихий голос ручейка?
Тонко льется в мироздание
муравьиная тоска.

Незаметная — замечена.
Ничего не ускользнет
от великого и вечного
взора истинных высот.

СВЕТИЛЬНИК

современная сказка

I. День творенья

Безбородая рыжая сила.
Ржавых слов исковерканный звук.
Продырявленный лоб просквозило.
Глухо выпало слово из рук,

как игрушка злодейского свойства:
испугать, омрачить, извести,
преднамеренный дух беспокойства
безразличной тщетой оплести.

На дорогу слова выпадают
и лежат, как сырые дрова.
Посмеются. А то порыдают.
Никуда не взлетают слова.

Рассыпающий их усмехнется.
Обнажатся развалины рта.
К позвоночнику сердце прижмется,
как к чужому отцу сирота.

II. Рождество

На юру деревенская дура
жениха невозможного ждет.
Новый плотник — юродивый юра
по зловонной помойке бредет.

Разойдутся, столкнувшись друг с другом,
но друг друга не видя ничуть.
Между Севером, Западом, Югом
на Восток обозначится путь.

Ничегошеньки это не значит.
Никудашеньки путь не ведет,
но, от черного ворона зачат,
шевелится в ней согнутый плод.

Разродится в районной больнице,
от волхов прочитает письмо,
мол, у дитятки на ягодице
кто-то хочет поставить клеймо.

Воздух веком отчаянным выпит.
Где искать упасенья от бед?
Невозможно податься в Египет,
но свободен Саянский хребет.

В сотый раз эта древняя сказка
нас морочит и верить велит,
но страшит откровеньем развязка:
у героя немислимый вид —

кто когда-нибудь видел младенца
с фотокамерой вместо лица?
Повитухи, держа полотенца,
поминали Святого Отца.

III. Пророчество

Тут явился на роли Предтечи
председатель колхоза «Рассвет»:
— Мы и этого взвалим на плечи.
Для народа препятствия нет.

Воспитаем мальчонку на славу.
Будет сытым в любой недород.
А потом он людскую ораву
куда надо, туда поведет.

IV. Созиданье

Тяжело отмирает столетье.
Лихорадочен пульс у земли.
Недоверья чугунную сетью
человеки себя оплели.

А в какой-то сибирской глубинке
подрастает спаситель. Кого?
И чисты у него половинки,
но с обличьем немного... того...

Говорят, он растет по системе,
не по дням, по часам, без помех,
он ни с этими будет, ни с теми,
он за этих пойдет и за тех,

он взлетит, как ракета в салюте,
он проявится как чародей,
но в какой, извините, валюте
заготовлено тридцать рублей?

V. Пролог

Человечество вышло к порогу,
изогнуло хребты на поклон
помолиться забытому богу
перед новым явленьем времен.

Ожидают. В надежде. В тревоге.
С коробами грехов и обид.
— Слышишь, кто-то идет по дороге!
— Видишь, что-то по небу летит!

* * *

Солнце снова снега растопило,
и земля задрожала, звеня,
сердце снова тебя разлюбило
и не слушается меня.

Ухожу, убегая, успею
обновить то, что было старо,
недоступную Кассиопею
перепутаю с буквой метро.

Но к моим постоянным уходам,
к возвращеньям весны и зимы,
как земля к переменным погодам
ты привык к смене света и тьмы

и глядишь сквозь меня равнодушно,
зная истину силы своей:
только то существо и послушно,
для кого ни преград, ни цепей.

ОБЛАКО

Ты — облако. Могу ли я
тебя удерживать над домом
и говорить своим знакомым:
— Оно моё! — Могу ли я?

Ты — облако. Прольешь дожди,
и возрастут густые травы
для пользы или для забавы —
не все ль равно тебе? Иди.

Ты — облако. Твои черты
изменчивы, необычайны,
и чем твои темнее тайны,
тем для меня светлее ты.

* * *

Родина несбывшейся мечты —
песня Александровского сада.
Без причины вспоминать не надо,
как поют весенние сады.

Без причины вспомнила. Огнем
обожгло и приостановило
сердце? Или сонное светило,
вяло управляющее днем?

Эта непрямая трава.
Эти непугливые голубки —
непроизнесенные слова
и несовершенные поступки.

Без причины вспомнила. Прости.
Впрочем, ты и не узнаешь даже
о моей небезопасной блажи
над забытой пропастью пройти.

предвижу, предопределю,
предупрежу тебя заране,
к какому двинуть рубежу,
какой достигнуть новой грани,
кому помочь, кого спасти,
кого, как чучел в огороде,
легко и плавно обойти
на безопасном повороте.

Под этим серым потолком
в каморке, всеми позабытой,
так просто стать своим врагом,
осточертевшею защитой.

* * *

Здравствуй, Жизнь!
Ты зачем приходила?
Для чего раздражила меня?
В поднебесье гасила светила
и пугала изменами дня,

подсылала воров и злодеев,
тоже люди — и каждый из них,
беспримерную подлость содеяв,
возникал достоянием книг,

загоняла в унынье подвала,
всюду жизнь — выживали и там.
Я чем больше Тебя познавала,
тем желанье бежать по пятам

за Тобою всё ярче горело,
всё вернее вело и звало.
Что Твое безграничное тело?
Что душа? Что святое чело?

Не даешь мне, хозяйка, ответа,
искушая скупой простотой
в озарении мрака и света.
Здравствуй, славная!
Царствуй! Постой...

Приснилось — гористые льдины
на черной качались волне.
Не хочется прятать седины,
обманывать некого мне.

Холодную шалью на плечи
накинута время. Рассвет.
Не радуют новые встречи.
Для женщины прошлого нет.

Откуда внезапно награда,
влетевшая в осень весна?
О, сладко сыновнего взгляда
меня обжигает волна!

Да как я забыться посмела:
ждет помощи голос птенца,
пока я молчала и пела,
бурьян на могиле отца,

а все, что в тумане и дыме
ждет ясности или огня,
и чье-то забытое имя
отчаянно ищет меня.

Иду. Ветерок навевает
забытое из-за угла,
то тенью, то светом пугает,
но я наконец поняла,

что молодость — это не годы,
толпящиеся впереди,
а дерзкое чувство свободы
в груди.

Итак, последнюю страницу
переворачивает век.
Еще торопится, стремится,
дочитывает человек.

И даже есть еще мгновенье,
когда последняя строка
разбудит вдруг воображение,
и чуткий взор пронзит века,

и сердце бешено забьется
в разгадке вечной высоты
и моментально разорвется
от безграничной полноты.

ЖЕНЩИНЫ В ОКНАХ

(Календарь)

* * *

Я далека от них была,
но их волнение ощущала,
и друг от друга отличала,
и отличить их не могла.

Четыре женщины в окне.
Четыре возраста и нрава.
Как перепутано все, право,
и как необходимо мне

понять, постичь, потом помочь
советом, словом ли, судьбою —
и собственную встретить ночь
наедине с самой собою.

I. Ранний март

* * *

Рви путы, милый! Ты ль не сыт по горло
гримасой дружбы? Вот лицо любви!
Взгляни, над нами время распростерло
покровы бесконечные свои.

Лицо любви пронзительно и слепо.
Мне хочется назвать его судьбой...
Я жду тебя на перекрестке неба
почти преображенная тобой.

* * *

Кто бы мог понять?
Кто б сумел помочь?
Я тебе и мать,
я тебе и дочь,
только не жена —
не зову к теплу.
Я тебе верна,
как листва стволу,
как земле зерно,
как кремню огонь.
Постучи в окно
или словом тронь —
побегу вослед,
а прикажешь — вспять,
но отвечу: — Нет!
Коль придешь обнять.

II. Апрельская свирель

* * *

Как весело мне знать, что оба
мы вышли из лесу, шутя,
иль появились из сугроба,
или возникли из дождя;
и мы уйдем, увы, не вместе,
но в многозвонный звездопад,
а наших нежных песен вести
до незнакомых долетят.

* * *

Две березы весенние рядом
по-осеннему обнажены.
Это корни отравлены ядом
или ветви огнем сожжены?

Пролетает комета со свистом.
Разрушаются судьбы земель.
В небе черном, чугунном, лучистом
одинокó висит колыбель.

III. Ветер мая

* * *

Чем я смогу тебе ответить,
сумею отблагодарить
за то, что светло-синий ветер
ты не сумел мне подарить,
за твой талант — не сомневаться
в своей жестокой правоте,
за мастерство — не поддаваться
моей рискованной беде?
Чем отплачу?
Метнусь проворно,
растаю в радужной дали,
или последую покорно
в закат, в рассвет, на край земли?

IV. Вечер в июне

* * *

Говорил ты мне: — Могли бы
вместе, вновь, губя, любя...
Говорю тебе: — Спасибо
за свободу от тебя,
за особую повадку,
обновленную во мне,
за случайную загадку,
промелькнувшую в окне.
Захочу — не разгадаю.
Ясным-ясен темный путь.
Убегаю. Уезжаю. Улетаю.
Позабудь!

V. Июль

* * *

Приходи, безрассудное лето!
Мне тебя предсказала давно
изолгавшейся ведьмы примета —
соловьенок, влетевший в окно.

Серый трупик несбывшейся птицы,
то на редкость прозрачный намек,
что не сбудется должное сбыться,
и дорога пойдет поперек.

Ты, однако, не слушайся здравых,
но почти сумасшедших примет,
приходи от лихих и лукавых,
приходи от страданий и бед,

приходи обмануть, обмануться,
окунуться в весенний дурман,
от осеннего горя очнуться,
перед зимней тоской отвернуться
и растаять, как утром туман.

VI. Августовская тень

* * *

Мне бы плакать на пороге
неизвестно почему,
мыть обветренные ноги
дорогому своему,
верить на слово пустое,
да на счастье воровать,
полотенечко простое
на веревочке сушить,
ночью, сбросив одеяло,
задышаться от стыда...
Где же я порастеряла
нареченные года?
Почему на перекрестках
никогошеньки не жду?
В перепроданных березках
чью аukaю беду?

* * *

Дождь миновал. И радуга в углу.
И лебедь, уплывающий куда-то.
И серых глаз, приникнувших к стеклу,
знакомый взгляд блуждает виновато.

Последние, напрасные слова.
Бессмысленный рисуночек на пыли.
Я вновь была резка и не права,
и оба мы о вечности забыли.

А лето пахнет осенью. Листок
один желтеет меж зеленых веток.
И тень моя, твоих касаясь ног,
прощенья просит напоследок.

* * *

Все смолкло в лесу перепутанно-смутном.
Исчезло сомнение в счастье минутном,
истаяла вера в молчании долгом,
и ясность явилась ощеренным волком.
Но чья-то худая, мохнатая лапа
Сожженную ветку затронула слабо;
и звук раздался суховато-скрипучий,
и волк обернулся нахохленной тучей,
и всплыл, и, за ветки дерев задевая,
исчез, для рассвета простор открывая.

VII. Сентябрины

* * *

Я иду по осеннему лесу
в сером сумраке позднего дня.
Облаков поднимая завесу,
с неба кто-то глядит на меня.

И под этим внимательным взглядом
я готова себя позабыть,
отравиться волнения ядом
и потерянного полюбить,

отворить ему тайные двери,
невозможным его одарить
и, своей не заметив потери,
серый сумрак костром озарить.

Согревая усталому руки
и, предвидя предательский час,
никакой не прочувствовать муки
и слезы не исторгнуть из глаз.

Нет дороже великой свободы:
отдавая, ответа не ждать
и в предчувствии зимней погоды
никогда никого не предать.

* * *

Я не боюсь разлучниц милых,
зачем пугаешь ими ты?
Когда-нибудь на двух могилах
легко взойдут одни цветы.
И пчелам будут капли меда
те струи долгожданных слез,
что ныне на исходе года
ты мне нечаянно принес.

VIII. Бабье лето

* * *

Ах, после долгой передышки,
отметив грустный юбилей,
на свист случайного мальчишки,
забыв одеться потеплей,
я выбегаю, молодея,
вся розовая от стыда,
что гордо стариться идея
испепелилась без следа.
В любом подъезде, подворотне
я не таюсь и не боюсь,
и тем счастливей, чем свободней
и откровенней отдаюсь
бессмысленному бормотанью:
— Люблю... навеки... тыщу раз...
И так боюсь конца свиданью,
как будто это смертный час.

И лишь, когда стеной стеклянной
похолодевшего окна
от этой страсти окаянной
я остаюсь отделена, —
во мне ни горечи, ни грусти,
гляжу, как, пряча торжество,
любовник, найденный в капусте,
идет счастливый от того,
что одержал свою победу,
и хладнокровен и любим...
А ветер снег метет по следу.
А в небе тает сизый дым.

IX. Октябрь

* * *

Зачем я тебя приласкала
на белом, высоком крыльце?
Каких откровений искала
в отчаянном этом лице?
Моих сновидений и пыток
ты нежно тогда попросил,
а я подарила избыток
веселых и ласковых сил.
Прости, я искала когда-то,
встречая тебя у крыльца,
в глазах твоих отблеск заката
того дорогого лица.

* * *

И некстати и не впрок
колкий куст расцвел.
Ненависти не дал бог,
а любовь увел.
Вот такая и живи,
всех благодаря,
прогоняя по крови
холод октября.

Х. Ноябрьский день

Да как вы, юноша, посмели
подумать даже обо мне,
вернее о свободном теле,
как в сети плещущей волне!

Все ваши маленькие страсти
на пять минут, за пять минут
приносят мелкие напасти:
напрасно платье изомнута.

Нет, оставайтесь там, где были,
дерзайте быть, иметь, хотеть,
любите, как всегда любили,
меняйте золото на медь.

При чем тут женщина, которой
во сне, а может, наяву,
назад столетье поезд скорый
отрезал буйную главу?

Вас просто приманило платье —
плод торжествующих кислот.
Под современные объятия
оно, не мнувшись, подойдет.

Я вам дарю его. Берите.
Вовек не будете жалеть.
Любую в платье обрядите.
Дерзайте быть, иметь, хотеть.

XI. Иней. Январь

Снежная ночь. Луна
синюю тень кладет.
Судорогой сведена
улица утра ждет.
Свет фонарей и ламп.
Ночи слепящий смех.
След от собачьих лап
пересекает снег.

Многими повторен —
город неповторим:
третий ли Вавилон
или четвертый Рим?
Видишь, горит окно.
Наше окно горит.
Правда, не нам оно
ныне принадлежит.
Кто это там теперь
пережигает ночь?
Не постучаться в дверь.
Некому там помочь.

Вязнут в снегу слова,
годы слагая в стих,
не возвратит Москва
ни одного из них.

* * *

Окончился последний мой побег
в покой, тепло, в доверие домашних.
Свидетель дней случайных и вчерашних —
стоит за дверью сумасшедший век.

Неоновая бледная душа
в усталом теле, пропитом, прожженном,
полуистертых красок не лишенном,
ждет шарикового карандаша.

Я не спешу. Ему не привыкать.
Другой найдется. Может быть, другая,
кто, радуясь, рискуя и ругая,
пойдет в его секреты проникать.

Я не спешу. Я подойду к нему
вернувшейся из дальних странствий дочкой —
не обожгу неосторожной строчкой —
рукою обожженной обниму,

и сразу станем братом и сестрой,
которым нечего делить друг с другом,
и вместе понесем навстречу вьюгам
день завтрашний, прохладный и сырой.

XII. Февральская белизна

От солнца и снега бело.
В симфонии белого цвета
весь холод земли и тепло,
заката пожар и рассвета,
предчувственный запах весны
и воздух осеннего тленья
в морозном огне сведены
для нового жизни рожденья.

Зима до того холодна,
что жарко становится сердцу.
Взгляни через прорубь окна
на в печке открытую дверцу
и вспомни, как летом всегда
студеная память о снеге
напрасно торопит года
в их незатухающем беге.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

«За лесом зарево запылало...»	3
«Без особой вины виновата...»	3
Отголоски	4
«Свет и мрак в переплетенье...»	6
Василиса	7
«Найдя в печали твой огромный...»	11
«Теперь ты хочешь поразить...»	11
«Вселенная...»	12
«Вот уже крылатые машины...»	13
«Ночь темна...»	13
Светильник. <i>Современная сказка.</i>	14
«Солнце снова снега растопило...»	16
Облако	17
«Родина несбывшейся мечты...»	17
Творчество	18
«Дитя, я научу тебя...»	18
«Здравствуй, Жизнь!...»	19
«Приснилось — гористые льдины...»	20
«Итак, последнюю страницу...»	20
Женщины в окнах. (<i>Календарь</i>).	21

Лариса Николаевна ВАСИЛЬЕВА

ВАСИЛИСА

Редактор **Е. А. Антошкин**.

Технический редактор **Е. Н. Щукина**.

Сдано в набор 05.03.81. Подписано к печати
07.05.81. А 00374. Формат 70×108^{1/32}
Бумага газетная. Гарнитура «Школьная».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 1,40.
Учетно-изд. л. 1,41. Тираж 100 000 экз.
Изд. № 1020. Зак. № 326. Цена 15 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской
Революции типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина. 125865. ГСП. Москва, А-137,
ул. «Правды», 24.